Люк Бессон: у меня не было желания давать пощечину

Комсомолец. – 2006. – 9 марта. – с. 22.

Перед московской премьерой фильма «Ангел-А» ЛЮК БЕССОН рассказал АЛЬВИНЕ ХАРЧЕНКО о том, как важно дарить цветы и признаваться в любви — даже собственному отражению в зеркале.

ВАСИЛЬ ШАПОШНИКОВ

— Надежда на то, что от продюсирования иногда довольно сомнительных фильмов вы вернетесь к режиссерской работе, за последние годы почти угасла.

— Когда вы продюсируете, вы продюсируете не фильмы, а людей. Вы идете рядом с режиссером. Если фильмы кому-то не понравились, то это претензия не к продюсеру, а к режиссеру. Но я очень счастлив и горд, что за последние пять лет мне удалось снять 20 первых фильмов. Конечно, в продюсировании, как и во всем остальном, всегда какая-то часть риска. Вы верите в какого-то режиссера, в сценарий, в то, что работа будет сделана. А потом вы бываете удивлены либо приятно, либо не очень. Это как в спорте: вы думаете, что этот человек выиграет золотую медаль, а потом он двенадцатым приходит к финишу. Я всегда исхожу из того, что если не попробовать, то ничего и не произойдет. Вот «Амели», например, очень многие французские фирмы прокатывать вообще отказались, а потом фильм ждал потрясающий успех. Если вы возьмете спортсмена, который прыгает в высоту, то в четырех из пяти попыток он собьет планку и упадет. Зато на пятый раз станет чемпионом мира. Но помним мы только о последней попытке. А насчет паузы в режиссерской работе... Во Франции есть старая пословица: «Когда тебе нечего сказать — заткнись». Может быть, это выглядело как-то по-другому для окружающего мира, но я на самом деле никогда не останавливался. В течение пяти лет я делал анимационный проект «Артур и минипуты». Да и работа над «Ангел-А», строго говоря, началась много лет назад, когда мне в голову пришла идея будущего сценария.

— Слово, которое приходит в голову после фильма, — странный. Вам самому «Ангел-А» таким не кажется?

— То, что я думаю про свой фильм, совершенно неважно. Важно, что про него думаете вы. Если вы говорите, что он странный, это означает то, что он оказался не таким, каким вы его ожидали увидеть, — и в этом случае я считаю, что сделал свою работу хорошо. Современное кино становится все более предсказуемым. Почти всегда вы знаете, чего от фильма ждать еще до просмотра. Поэтому иногда стоит делать кино, которое берет на себя смелость рискнуть. Мир вокруг нас становится все более и более циничен. Очень важно сказать, что человеческое существо — это не сгусток цинизма. Что есть и поэзия, и наивность, и любовь (и собственная, и других к тебе) — и это все очень важные вещи. Кстати, по тому, что говорят мне видевшие «Ангел-А», я делаю вывод о личности человека, с которым общаюсь. Я встречал людей, которые вели себя зло и со всякими подковырками. И мне это напомнило «Голубую бездну», с которой журналисты были очень жестоки, как и всегда происходит с беззащитными, неважно, люди это или фильмы. Я занимаюсь кино 20 лет. Но за все это время я ни разу не видел, чтобы люди выходили после просмотра в таком потрясенном состоянии, как после «Ангел-А».

— Наивность обезоруживает до такой степени?

— Удивительно, но в нашем современном мире самая трудная вещь, которую может сделать человек, — это посмотреть на другого и сказать: «Я тебя люблю». Гораздо легче объявить войну, биться, ругаться. Но самое сложное — признаться в любви. Сцена, где актер смотрит в зеркало, действительно цепляет людей. Что бы ни говорили, есть только один человек из десяти, который на это способен. Мне всякие критиканы говорили: «Но это же так наивно!» А я отвечал: «Вы придите домой сегодня вечером, посмотрите на себя в зеркало и попробуйте признаться себе в любви».

Или вот даже подарить человеку цветы. С одной стороны — это глупость какая-то: цветы срезаны, они сдохнут, кто бы их ни купил, и что это вообще все означает? Это циничная версия истории. Но настоящая версия, которая идет из сердца и из кожи, — это когда тот, кому вы дарите цветы, улыбается. Такая же разница есть в отношении к кино. Не надо никогда бороться с фильмом, его надо любить как человека со всеми недостатками. Когда вы идете на представление фокусника с установкой на то, что все это обман и вы все равно ничему не поверите, то тогда вообще не надо никуда ходить. Волшебство все равно не сработает.

— Фильм о любви без любовных сцен и о противопоставлении нежности цинизму у вас уже был. «Леон» и «Ангел-А» что-то связывает?

— Наверное, это один и тот же сюжет. Во всяком случае, то же самое содержание. Мне кажется, что сейчас у меня гораздо более зрелая версия, чем та, что была в «Леоне».

— Зрелость в болтливости? Герои «Ангел-А» говорят без умолку.

— Зрелость состоит в том, что именно они говорят друг другу. Да, в основе лежит один и тот же смысл, то же содержание. Но какой будет форма, зависит и от эпохи. Когда я снимал «Леона», французское общество было совсем другим. Очень буржуазным, состоящим из людей, у которых все было хорошо. Чтобы их разбудить, нужен был пинок. Сейчас у меня не было желания давать пощечину. В жизни же все по-разному бывает: иногда нам и, правда, надо надавать по заднице, но иногда все можно человеку просто словами объяснить.